

Красная Пресня, давно уже ставшая центром Москвы, Малая Грузинская улица, маленькая же квартирка в типовой постройке «свечке». Книг столько, что хозяину должен быть наверняка «невыгоден» известный закон Ньютона: их нельзя разместить на потолке... До последнего времени читающие люди знали, что Лев Эммануилович Разгон пишет книги для детей и юношества. Но вот в 1988 году — начале 1989-го журналь «Юность» опубликовал повесть Льва Разгона «Непридурманные» — о годах, проведенных автором за колючей проволокой в сталинском лагере. Можно ли назвать «Непридурманные» книгой для взрослых?

Сергей ТИХИЙ — редактор
редакции.
Бывший
Киевского
госуниверситета.
В «Комсомольском
зnamя» с 1987 года.

— Киев. —
Киев. Зима. — 1990. — 1446. — С. 8-9

Комсомольское зnamя — это на из первых газет, начавших публиковать рассказы и романы о жизни в СССР, мои мысли о нашей стране. Пропаганда читателей в нашей стране. Нельзя читать в этой книге, если старый

30. XII. 1989

— Лев Эммануилович, как писалось «Непридурманные», как оно не придумывалось?

— Я начал работать над «Непридурманными» лет двадцать назад. Никогда не рассчитывал, что из этого выйдет книга в прямом смысле, что я ее увижу, буду держать в руках. Просто решил в свое время записывать то, что, как я считал, кроме меня уже никто и не вспомнет. Я полагал, что мои близкие, родные должны иметь возможность прочесть обо всем этом. Никакого сюжета в этих записках нет и не предполагалось. Единственный в ней сюжет — это моя собственная жизнь.

Иногда меня спрашивают: не было ли мне трудно воротить прошлое? Я ведь писал о вещах ужасных, происходивших не с кем-то, а со мной и с моими близкими. И поэтому те, кто меня спрашивал, были очень удивлены, когда я отвечал им: «Нет, когда писал, то чувствовал себя счастливым». Счастливым, потому что писал это совершенно свободный человек, без всякой оглядки на редактора просто и редактора внутреннего и даже на того, кто сидит над всеми редакторами и цензорами. И я понял, за свою долю спасения, какое это счастье — писать свободно!

— Вы писали эту книгу двадцать лет. Писали, естественно, мало того посвящая в свои планы. А в это время ваши «соплажники» тоже писали о том, что перекликались с вами: «Мемориал» — это принцип письма. Там есть неточности, но они вызваны тем, что мы приходилось передавать и рассказы людей, которые могли ошибаться — и случайно, и намеренно. Сейчас, когда я стал получать много писем с пожеланиями...

— И, возможно, вам пишут те, о ком вы рассказывали, если им удалось уцелеть? Или их родственники. Из разговора с одним из друзей мне известно, например, что по крайней мере еще лет десять назад в Москве жил человек, которого вполне можно было принять за афганского приезда, героя «Припине»...

— Скажу больше: он выжил, вышел, женился... Мне звонили его дочь. Это было еще длинная, интересная жизнь, о ней можно было бы целый роман написать. Но, повторю, это не входило в мои литературные задачи.

— Вы попали в лагерь коммунистом. С каким стажем?

— Я поступил в партию в 30-м, еще до ХХ съезда.

— Многие из уцелевших в лагерях коммунистов считали [кое-кто остается при этом мнении и поныне], что они пали жертвой ошибки...

— Нет. Я не считал, что написал нечто столь значительное, нуждающееся в отправке прежде всего на Запад.

— Вы и сейчас так считаете?

— Да, я и теперь так считаю. Книга моя переведена на несколько языков, издается в разных странах и, конечно, вызывает там интерес, вернее, не может его не вызвать. Но писал я не для этого. Я писал, испытывая долг перед теми, кто уже ничего не может ни сказать, ни написать.

— Не сделал я этого и потому, что, говоря откровенно, считал себя не вправе подвергать своих близких, согласитесь, вполне реальной опасности. Сам я, как вы понимаете, не рассчитывал увидеть свою книгу. А перед ними были бы закрыты все двери, им, возможно, пришлось бы пережить и горечь изгнания, и кто его знает, что еще.

— Но каково ваше отношение к публиковавшимся на Западе в годы нашей стагнации работам, к тому же «Архипелагу ГУЛАГа»?

— Я считаю, что Александр Исаевич Солженицын совершил гражданский подвиг. Этим все сказано. Хотя я и не во всем согласен с «Архипелагом»... А вы верите, что такое возможно, если не будут меняться политические структуры общества?

— Я пророком быть не могу и не хо-

чую, но в этом смысле я человек верующий: верю в поступательность нашего прогресса. Но если партия останется прежней, никакой перестройки не будет — судьба перестройки направлена связана с разрушением созданных Сталиным политических структур, монополии единомыслия, подчинения государственной машины, всех и вся. Только так может быть создано общество, к которому мы стремимся.

— Да и материальным — вопрос никак не исчерпывается. Как можно материально вознаградить человека за отнятую у него жизнь?

Речь идет о наказании преступников. Наказанием одним путем: правдивым, полным, публичным рассказом об их преступлениях. Я противник судов над пепелами, многие из которых до сих пор процветают и живут в куда лучших условиях, чем обходившиеся, члены семьи погибших. Они до сих пор получают персональные пенсии, живут в отдельных квартирах, едят из награбленной посуды.

— Лев Эммануилович, но наказание ли это для них? Может ли быть наказанием для палача и стукача — слово, пусть это даже слово правды? Нам стало известно имя Хвата — следователя по делу академика Бавилова, он много лет после ухода из органов был даже секретарем парткома одного из министерств. Вы думаете, для него что-то изменилось после этого?

— Не знаю. Но не думаю, что он так же процветает, и даже если он получает спасибо, то вряд ли он проскаивает в горло с той же легкостью, что и раньше.

Возвращаясь к вопросу об ответственности государства, скажу, что не только о моральных аспектах проблемы речь и об устранении элементарной несправедливости. Есть, к примеру, Указ Верховного Совета о льготах для работавших в тылу во время Великой Отечественной войны. Условием для получения льгот является наличие мемориала.

— Вам не кажется, что история с регистрацией общества «Мемориала» служит своеобразным индикатором положения дел? Общество существует уже год, но до сих пор официально не признано.

— Совершенно верно. Я член общественного совета «Мемориала» и недав-

шавших на относительно легких работах. Некоторым из них многие обязаны жизнью: за закрытые наряды, за обход из-за работ по предлогом болезни. Кстати, и сам Солженицын был «придурком» — работал в инженерной «шарашке».

— Сталинизм вычерпал из вашей жизни семнадцать лет. Сейчас-то и скромно не скромно. Чем вы жили все эти годы? Что питало надежду? Как это все отразилось в вашей книге?

— Не согласен с Борисом Шаламовым в том, что эти годы не могут ничему научить. Про себя говорю, что те семнадцать лет были самыми важными в моей жизни, несмотря на все мои потери.

Вот почему себя я поставил в жесткое условия: ни одной придурманной даты, фамилии, ни одного приблизительного географического названия. Ведь «Непридурманные» — не название, а сущность, это принцип письма. Там есть неточности, но они вызваны тем, что мы приходилось передавать и рассказы людей, которые могли ошибаться — и случайно, и намеренно. Сейчас, когда я стал получать много писем с пожеланиями...

— И, возможно, вам пишут те, о ком вы рассказывали, если им удалось уцелеть? Или их родственники. Из разговора с одним из друзей мне известно, что по крайней мере еще лет десять назад в Москве жил человек, которого вполне можно было принять за афганского приезда, героя «Припине»...

— Скажу больше: он выжил, вышел, женился... Мне звонили его дочь. Это было еще длинная, интересная жизнь, о ней можно было бы целый роман написать. Но, повторю, это не входило в мои литературные задачи.

— Вы попали в лагерь коммунистом. С каким стажем?

— Я поступил в партию в 30-м, еще до ХХ съезда.

— Многие из уцелевших в лагерях коммунистов считали [кое-кто остается при этом мнении и поныне], что они пали жертвой ошибки...

— Нет. Я не считал, что написал нечто столь значительное, нуждающееся в отправке прежде всего на Запад.

— Вы и сейчас так считаете?

— Да, я и теперь так считаю. Книга моя переведена на несколько языков, издается в разных странах и, конечно, вызывает там интерес, вернее, не может его не вызвать. Но писал я не для этого. Я писал, испытывая долг перед теми, кто уже ничего не может ни сказать, ни написать.

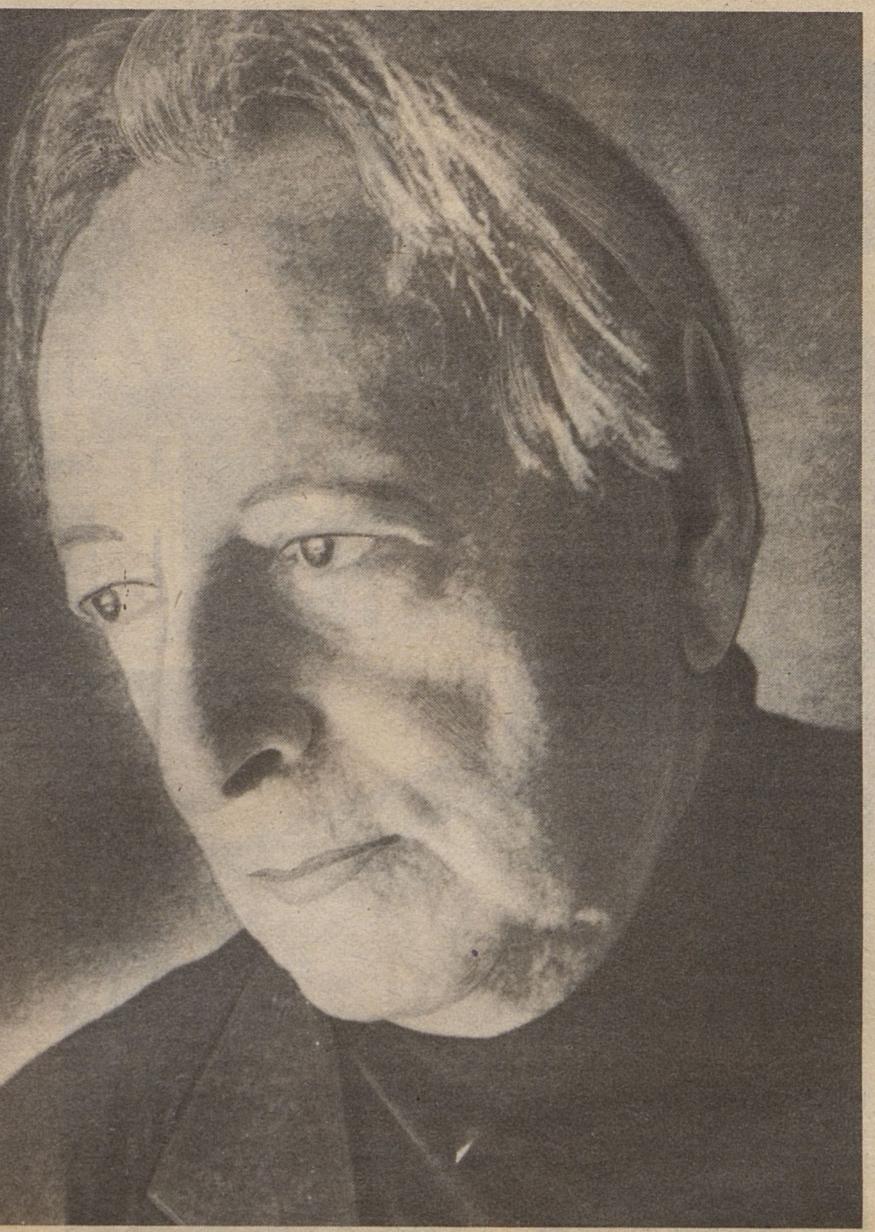
— Не сделал я этого и потому, что, говоря откровенно, считал себя не вправе подвергать своих близких, согласитесь, вполне реальной опасности. Сам я, как вы понимаете, не рассчитывал увидеть свою книгу. А перед ними были бы закрыты все двери, им, возможно, пришлось бы пережить и горечь изгнания, и кто его знает, что еще.

— Но каково ваше отношение к публиковавшимся на Западе в годы нашей стагнации работам, к тому же «Архипелагу ГУЛАГа»?

— Я считаю, что Александр Исаевич Солженицын совершил гражданский подвиг. Этим все сказано. Хотя я и не во всем согласен с «Архипелагом»... А вы верите, что такое возможно, если не будут меняться политические структуры общества?

— Я пророком быть не могу и не хо-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

бы там ни было, — несчастливому человеку! У нас это преследовалось и преследуется до сих пор. Человек, попавший в орбиту наших ИТУ, чувствует себя отключенным от таких понятий, как жалость, милосердие (это вовсе не то же самое, что всепрощение). Ожесточение выражает в нем естественно.

Кто же от этого выигрывает? Человек? Общество? Нет, все проигрывают.

Речь идет о плюсе к религии. Она вплотную примыкает к религии. Надо поглядеть, что число людей, возвращающихся в ее лоно, будет в эти годы расти. Как вы думаете, уживется в нашем обществе господствующая идеология и возрождающиеся религиозные чувства граждан?

Я полагаю, что общественная жизнь должна быть деидеологизирована. Так же, как экономика. Между прочим, я — атеист и не понимаю, почему обязательно должен считаться безрелигиозным, и наоборот — верующий человек — нравственным. Реальная жизнь часто опровергает и то, и другое. Иное дело, что нужно всячески поощрять человека, который верит в незыблемость нравственных законов. Среди верующих таких людей много. И это можно только приветствовать.

Но у нас происходит огосударствление и религии тоже. А это никогда в России к добру не приводило.

— А что же в странной атмосфере сталинских лагерей помогал невинному человеку оставаться человеком? И атеисту, и верующему. Это навык, привычка, приобретенная еще на свободе, или что-то другое?

— Нет. Вы помните, что говорит герой повести Солженицина «Один день Ивана Денисовича»? «Чтобы выжить в лагере, надо трудиться, не бегать «к куму в хитрый домик» и не колпаться в помойной яме». Такие выживали и сохранили достоинство. И для этого не обязательно было быть верующим. Верующий Солженицин, кстати, своего Ивана Денисовича верующим не сделал, заметили?

— Лев Эммануилович, хочу «объяснить» предыдущий вопрос: нынешним неуверенности многих в окончательной победе перестройки [то, что таких людей немало, показывают данные последних социологических опросов], рождает опасения, что лагерная эпоха может повториться. Пусть не в таких масштабах, но может.

— Начнем с того, что я не верю в возможность повторения этого. Не верю потому, что люди стали уже не те. Да, на рубеже 60—70-х и процессы были, и «диссиденты» понемногу сажали. Но могли вы себе представить десять, пять лет назад возможность массовых забастовок у нас? А это пять лет назад прошел огромный исторический путь. Он — другой! И ему нечего тратить.

— Позволю себе не согласиться. Каждому найдется что терять, а не хо- чется!

— Каждому, может, и найдется, но я имею в виду общество. Появилась реальная возможность оторвать от государства то, что было намерто с ним связано — экономику, идеологию, мораль... Ведь, как говорил Маркс: главной частной собственностью бирократии является государство. Сказано-то как! Вот в этом и скрыта главная, на мой взгляд, трудность перестройки.

— Но существует другая опасность. Общество, обособленное от чрезмерной государственной опеки, вернее, разные его группы начинают прозябать в разных же стороны. Мы сейчас вспомнили, что в лагерях было государство. Сказано-то как! Вот в этом и скрыта главная, на мой взгляд, трудность перестройки.

— Но существует другая опасность. Общество, обособленное от чрезмерной государственной опеки, вернее, разные его группы начинают прозябать в разных же сторонах. Мы сейчас вспомнили, что в лагерях было государство. Сказано-то как! Вот в этом и скрыта главная, на мой взгляд, трудность перестройки.

— Я бы взялся говорить от имени всей интеллигенции. Могу говорить только о себе. Меня это все не пугает. Это действительно естественно — и крайне правые, и крайне левые. В их взаимодействии и создается та атмосфера, в которой единственно и может выкристаллизоваться верное решение. Меня не повергают в страх выступления «Памяти». У нас не будет Германии 33-го года.

— Да, но этические конфликты обострились крайне. И никто не может гарантировать, что достигнут пре- дельного.

— Конечно, нам предстоит пережить сложное время. В известной мере речь идет о распаде сталинской империи. Стalin создал свое государ-

ство, как империю, в всякая империя приходит в упадок, это исторически неизбежно. Весь вопрос в том, как будет происходить этот процесс. Ведомо при этом удовлетворить самые разные интересы, может это кончиться и драматически. Нужно найти такую политику, чтобы в новой свободной федерации стоял вопрос не о выходе, а о подлинно добровольном вхождении в нее. И обмануть здесь уже никого не удастся. Поэтому что в этом заинтересованы все, кроме олигархов же — бирократов, к какому бы этносу они ни принадлежали. Ведь сталинская империя уникальна в своем роде. Все другие империи были основаны на выкачивании ресурсов окраин, на благо метрополии. А в сталинской империи это не было. Что получила Россия, по традиции считающей ее фундаментом?

— Разоренные села, разрушенные памятники, вечные общеизвестия, «продуктовые» электрички в Москву... Лев Эммануилович, достаточно «высоков» раздаются сейчас голоса, что более всего нам угрожает опасность слева, а вы что об этом думаете?

— Речь идет, видимо, о радикализме! Я полагаю, что больше всего нам следует опасаться нерешительности и половинчатости при проведении реформ. Те законы, которые сейчас обсуждаются и принимаются Верховным Советом, должны быть решительными. Вы члены партии, вот уже почти 60 лет. О том, какими вы представляли цели партии, вы уже рассказали. Какими видите эти цели сейчас?

— Если партия действительно хочет доказать перестройку до конца, она должна начать в первую очередь с себя, сама перестроиться. И это, на мой взгляд, главная задача, стоящая перед ХХVIII съездом КПСС. Потом, что в своем нынешнем виде она общество за собой вести не может. В ней должны быть созданы те самые механизмы, которые и наше общество превратят в демократическое, гуманизированное. И если партия хочет быть руководящей силой общества, то она должна добиваться этого не с помощью соответствующей статьи Конституции, а убеждением, привлекая, доказывая делом свою правоту.

— Лев Эммануилович, журналисты могут быть, лучше всех знают, что Нина Андреева отнюдь не одиозна в убийствах. Редакционная почта продолжает приносить письма людей, искающих или ради доказательств письма, поданные в адрес народов. Сталинизм — это болезнь общества, и человека. Верите ли вы в то, что ортодоксальных стalinистов можно лечить?

— Можно. Но стоит ли? Тому, кто не хочет прозреть, никто не поможет. Главное: общество — можно и нужно лечить. А люди... Время таких людей прошло.

— А чье наступило?